ЕЛЕНА ЛАДИНА

РАЗВОД. К УЖИНУ НЕ ЖДУ

Елена Ладина

Развод. К ужину не жду

https://litres.ru/74811377
SelfPub; 2026

Аннотация

В сорок два Марина узнаёт, что муж, с которым она прожила двадцать лет, встречается с молодой коллегой. А когда решается поговорить с дочерью, выясняется: Андрей уже убедил её, будто в разводе виновата мать.

Марина уезжает из общей квартиры в старый дом, оставшийся от тёти. Здесь плохо работает отопление, протекают трубы, а сосед с первого дня спорит из-за дороги. Зато впервые за много лет ей не приходится ждать, когда кто-то разрешит заняться собственной жизнью.

Впереди — раздел имущества, попытка вернуть доверие дочери, первые гости в отремонтированной комнате и чувство, которого Марина совсем не ждала.

Андрей тоже однажды поймёт, что потерял. Но к тому времени у Марины появится важный вопрос: зачем возвращаться туда, откуда она наконец смогла уйти?

Содержание

Часть I. Чужая жизнь 4
Глава 1. Чужая чашка 4
Глава 2. Плохая новость в хорошем ресторане 15
Глава 3. Папа сказал 26
Глава 4. Бумаги и люди 33
Глава 5. Три коробки 40
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Елена Ладина
Развод. К ужину не жду

Часть I. Чужая жизнь

Глава 1. Чужая чашка

Я проснулась за несколько минут до будильника и сразу вспомнила о торте. Он стоял в холодильнике со вчерашнего вечера, в высокой картонной коробке, которая не помещалась на обычную полку. Ради неё пришлось вынуть ящик с овощами и переставить контейнеры с едой. Кондитерская обещала написать на креме «Поздравляем!», но я, забирая заказ, обнаружила, что надпись вышла немного кривой. Андрей вряд ли заметил бы. Он вообще редко смотрел на торт прежде, чем отрезать себе кусок.

Впрочем, сегодня торт ещё следовало вовремя достать из холодильника. Андрей терпеть не мог холодный крем. Я всё время забывала, когда именно он об этом впервые сказал, но помнила, что забывать больше нельзя.

За дверью спальни грохнуло что-то тяжёлое. Судя по звуку, Алиса уронила фен. Через минуту зашумела вода в ванной, потом дочь принялась ругаться с кем-то по телефону.

Будний день в нашей квартире обычно начинался именно так: Алиса опаздывала на первую пару, Андрей не мог найти какую-нибудь вещь, а я торопилась приготовить завтрак до того, как все окончательно разойдутся по своим делам.

Я поставила чайник, открыла холодильник и вынула контейнер с сырниками. Вчера вечером Андрей сказал, что в столовой ему надоели омлеты, и попросил что-нибудь другое. Я приготовила сырники после отчёта для одного из клиентов, когда уже собиралась лечь. Они получились не особенно красивыми, зато по утрам их можно было разогреть за три минуты.

— Марин! — донеслось из спальни. — Ты серый галстук не видела?

— На вешалке за дверью. Я его вчера погладила.

— А синий где?

— В верхнем ящике.

Он появился на кухне с двумя галстуками в руках. Рубашка была застёгнута не до конца, на щеке осталась полоска пены для бритья. Андрей приложил серый галстук к груди, посмотрел в тёмное стекло окна и поморщился.

— Что скажешь?

— Синий лучше к этому костюму.

— Серый солиднее, по-моему.

— Тогда серый.

Он посмотрел на меня поверх галстуков.

— Тебе вообще всё равно, да?

Я обернулась от плиты.

— Я сказала, какой мне больше нравится.

— Можно было хоть немного заинтересоваться. У меня сегодня важнейший день, между прочим.

Я прекрасно знала, какой у него день. Неделю назад Андрей уже заказал новые визитки, хотя приказ о назначении коммерческим директором обещали подписать только сегодня. Сумму будущей премии он обсуждал гораздо подробнее, чем должностные обязанности. Я надеялась, что всё получится: последние месяцы он возвращался домой всё более раздражённым, а в хорошие дни хотя бы не срывался на нас из-за работы.

— У тебя на щеке пена, — сказала я.

Он провёл рукой не по той стороне лица.

— С другой.

— Спасибо.

Андрей ушёл в ванную. Я переложила сырники на тарелку и достала сметану.

Алиса пришла с телефоном в руке и мокрыми волосами, собранными в небрежный узел. Она поцеловала меня в щёку, взяла со стола сырник и, не садясь, спросила:

— Папа вечером дома будет?

— Обещал к семи.

— Отлично. Мне нужно показать ему проект. Препод сказал, можно подать на конкурс, если чуть доработать.

— А мне покажешь?

— Мам, ты же всё равно скажешь, что там слишком много цвета.

В прошлый раз я предложила сделать надписи на её презентации чуть крупнее. С тех пор в семье считалось, что я ничего не понимаю в современном дизайне.

Андрей вернулся уже в пиджаке.

— Так, красавицы мои, вечером отмечаем. Только сильно не хлопочите, я, может, задержусь.

— У тебя сегодня приказ подписывают или уже подписали? — спросила я, наливая ему кофе.

— После обеда должны. Марина, только не начинай с бумажек. Всё уже решено.

— Я не начинаю. Просто хотела понять, когда поздравлять.

— Вот видишь, — сказала Алиса, забирая вторую половину сырника. — Папа ещё не директор, а мама уже проверяет документы.

Они засмеялись. Я улыбнулась тоже, хотя шутка мне не понравилась. Самое неприятное было не в словах, а в том, как легко у них получалось смеяться вместе, когда речь заходила обо мне.

Андрей допил кофе, поцеловал дочь и подставил мне щёку. Я машинально поправила ему воротник.

Когда входная дверь закрылась, квартира сразу стала просторнее и тише. Я помыла две чашки, убрала тарелки и только тогда заметила, что собственный кофе остыл. Допила его

у раковины, открыла ноутбук и принялась разбирать счета небольшого магазина, которому вела учёт. К одиннадцати надо было закончить сверку, потом заехать за заказанными цветами и узнать у свекрови, записалась ли она к стоматологу. За последние двадцать лет у меня выработалась удобная привычка держать чужие дела в голове. Свои я записывала в календарь — иначе они попросту туда не помещались.

Перед тем как закрыть рабочие документы, я позвонила Нине Павловне. Она долго искала очки, потом рассказала, что стоматолог перенёс запись и теперь нужно подобрать другое время. Я открыла календарь и назвала три свободных окна. Свекровь выбрала среду, попросила напомнить ей во вторник и между делом спросила, что Андрей подарит ей на юбилей.

— Пока не знаю, — ответила я. — Он сам выберет.

— Ох, Мариночка, ты ведь понимаешь, что он забудет. У него голова работой занята.

Я пообещала передать вопрос мужу, но сама записала его в календарь. Так происходило постоянно. Просьба одного человека незаметно превращалась в мою задачу, потому что легче было сделать, чем объяснять, почему не хочу. Я не считала эти просьбы тяжёлой ношей. Иногда мне даже нравилось, что все обращаются ко мне. Просто в последние годы стало казаться, что без моего участия семья не сможет ни отпраздновать день рождения, ни вовремя заплатить за квартиру, ни вспомнить, где лежат запасные батарейки.

Я вернулась к отчёту. Клиент прислал фотографию счёта, снятую так, что в кадре оказались стол, кружка и половина его руки, а сумма — нет. Пришлось попросить переснять. Пока ждала, открыла банковское приложение и проверила, прошёл ли платёж за интернет. Андрей говорил, что у него настроено автоматическое списание, но в прошлом месяце платёж не прошёл из-за перевыпуска карты. Тогда он три дня сердился на провайдера, а оплачивать задолженность пришлось мне.

Я поймала себя на том, что уже составляю список вопросов на вечер: интернет, стоматолог, подарки, страхование машины. Потом перечеркнула его. Сегодня у Андрея повышение. Можно было хотя бы один день не напоминать ему о повседневных делах, которые существуют независимо от настроения начальства.

Ближе к полудню я вспомнила про коробку с документами в машине Андрея. Он обещал занести её ещё на прошлой неделе, но вечером у него обычно не оставалось сил на такие мелочи. Ключи лежали на тумбе в прихожей. Я надела куртку и спустилась во двор.

Коробка оказалась на заднем сиденье, заваленная рекламными папками. Я вытащила её и уже собиралась закрыть дверь, когда увидела кружку в подстаканнике.

Белая керамика, золотая буква «К» и тёмно-розовая полоска помады на краю.

Я некоторое время смотрела на неё, стараясь понять,

почему чужая кружка в машине мужа кажется мне такой неприятной. Андрей часто возил коллег. У них в офисе работало много женщин. Вчера он говорил, что весь вечер готовил с командой презентацию к назначению. Какая-нибудь сотрудница могла забыть кружку совершенно случайно.

Но кружка стояла в держателе, закреплённом у пассажирского сиденья, а рядом лежал чек из кофейни возле нашего дома. Дата была вчерашняя. Время — девять вечера.

Вчера Андрей позвонил в половине девятого и сказал, что даже ужинать не успевает: сидит в офисе, готовит бумаги к завтрашнему совещанию. Я предложила привезти ему еду, но он раздражённо ответил, что в этом нет необходимости.

Я положила чек обратно. Кружку не тронула.

В лифте поймала своё отражение в зеркале. Женщина в тёплой куртке, с коробкой документов под мышкой и таким выражением лица, будто только что обнаружила серьёзную ошибку в отчёте. Я попыталась улыбнуться себе и не смогла.

Дома оказалось, что один из клиентов перепутал две накладные. Я вернулась к работе, несколько раз перечитала одно и то же письмо и в конце концов позвонила, чтобы уточнить сумму. Голос у меня был обычный. Даже слишком обычный. Ничего не произошло, говорила я себе. Ничего такого, чего нельзя было бы объяснить.

К вечеру я накрыла стол на троих. Мясо запекалось в духовке, салат остывал на нижней полке, торт я поставила на подоконник — там было достаточно прохладно, но не холод-

но. Алиса вернулась из университета, переоделась и спросила, когда отец приедет.

— К семи обещал.

В семь он написал: «Задерживаюсь, начинайте без меня».

— Подождём немного, — сказала Алиса.

В половине восьмого я убрала салат обратно в холодильник. В восемь выключила духовку и накрыла мясо фольгой. Дочь несколько раз выходила из комнаты, спрашивала, не звонил ли папа, потом стала заметно скучать.

— Мам, может, уже поедим?

— Конечно.

Мы съели по небольшой порции. Алиса сразу ушла готовить проект, а я осталась за столом. Меня не раздражало, что Андрей задержался. Такое случалось и раньше. Раздражало то, что он даже не спросил, как прошёл наш вечер, хотя утром сам говорил о семейном празднике.

Он приехал без двадцати одиннадцать.

Я услышала, как у двери упали ключи, потом Андрей громко сказал:

— Ну что, встречайте директора!

Из прихожей донёсся шорох пакета, и он появился на кухне с бутылкой шампанского. Лицо у него раскраснелось, волосы были растрёпаны. От пиджака пахло холодным воздухом и чем-то сладким, напоминающим дорогие духи.

— Поздравляю, — сказала я и подошла поцеловать его.

Он повернул голову, поэтому я попала в щёку.

— Где Алиска?

— Легла. У неё завтра первая пара.

— Вот молодёжь. Отца повысили, а они спать.

Он поставил пакет на стол и увидел накрытую фольгой форму.

— О, вы что, ужинали?

— Да. Ждали тебя до восьми.

— Ну я же предупреждал, что задержусь. Мы с ребятами посидели после приказа. Ты бы видела, как начальство выступало.

Я разогрела ему мясо, хотя он сказал, что не голоден. Он выпил бокал шампанского, рассказал о новом кабинете и пообещал летом отвезти нас куда-нибудь к морю. Я не стала напоминать, что летом Алисе нужно будет проходить практику и что отпуск мы ещё даже не обсуждали.

Телефон завибрировал на столе. Андрей бросил взгляд на экран и сразу взял его.

— Сейчас вернусь. Документы.

На экране я успела увидеть имя: «Кристина. Маркетинг».

Он вышел в коридор. Дверь на кухню осталась приоткрыта.

— Крис, я дома, — сказал Андрей тихо. — Ну что ты начинаешь? Нет, всё нормально. Я же обещал перезвонить.

Дальше он заговорил ещё тише. Я посмотрела на праздничную скатерть, которую достала специально к его назначению, на два нетронутых бокала и на торт с надписью «По-

здравляем!». Мне вдруг стало неловко, словно я устроила праздник не тому человеку.

Андрей вернулся через пару минут.

— Срочное что-то? — спросила я.

— Завтра утром презентация. Все нервничают.

— Кристина тоже сегодня поздно работала?

Он поставил бокал.

— Марин, ну не надо. У меня сегодня нормальный день. Можно хотя бы вечером без допросов?

Я хотела спросить о кружке, но не стала. По его лицу было видно, что он уже приготовился обидеться, а у меня не было сил на привычное примирение.

— Ладно, — сказала я. — Пей шампанское.

Он довольно улыбнулся, рассказал ещё что-то о новом кабинете и ушёл в душ. Телефон остался на столе возле пустой тарелки. Я не собиралась его брать. Даже не подходила ближе. Просто собирала посуду, когда экран загорелся.

Сообщение пришло от Кристины.

«Ты забыл мою кружку в машине. Только смотри, чтобы жена не нашла :)»

Я прочитала его дважды. Потом поставила чистую тарелку в сушилку и выключила воду.

Из ванной донеслось пение. Андрей что-то напевал под шум душа, довольный собой и сегодняшним днём. На подоконнике стоял торт, который я так и не нарезала.

Я достала нож, отрезала маленький кусок и съела его пря-

мо на кухне, без чая. Крем был холодным. Мне показалось, что он вполне вкусный.

Глава 2. Плохая новость в хорошем ресторане

На следующее утро Андрей спросил, почему мы не разрезали торт.

Он стоял у открытого холодильника в домашней футболке, босиком, и с недовольством рассматривал коробку, словно в ней обнаружился неудачный подарок.

— Разрезали, — ответила я. — Ты не заметил.

Он посмотрел на меня, потом на нож, оставленный возле раковины.

— Что-то случилось?

Ночью я почти не спала. Лежала рядом с ним, слушала его ровное дыхание и вспоминала десятки мелочей, которым раньше не придавала значения. Задержки на работе, новые рубашки, телефон, который он перестал оставлять на столе, внезапное желание сменить парфюм. Каждая мелочь сама по себе была безобидной. Вместе они складывались в картину, которую я никак не могла заставить себя рассмотреть.

Я хотела спросить прямо, но Алиса ещё спала в соседней комнате. К тому же мне было страшно услышать ответ среди привычных утренних звуков: закипающего чайника, шагов по коридору, машины мусорщиков за окном. Казалось неправильным, что после такого разговора нам придётся искать ключи и обсуждать, кто купит хлеб.

— Ничего, — сказала я. — Устала вчера.

Андрей закрыл холодильник.

— Ну отдохни сегодня. Не надо всё время суетиться.

Он произнёс это добродушно, даже ласково. Я посмотрела на него и неожиданно поняла, что если сейчас скажу о сообщении Кристины, он прежде всего спросит, зачем я читала его телефон.

До обеда я работала. Цифры в отчёте сходились с третьей попытки; когда клиент позвонил с уточнением, мне пришлось попросить его повторить вопрос. Я дважды бралась за телефон, собираясь написать Андрею, и оба раза откладывала. Наконец отправила: «Нам нужно поговорить. Без Алисы. Сегодня».

Ответ пришёл через семь минут.

«Хорошо. В семь в ресторане на Садовой».

В том самом ресторане мы отмечали десятую годовщину свадьбы. Там подавали дорогую рыбу, а официанты обращались к гостям так, словно лично знали их с детства. Я долго смотрела на название и пыталась понять, зачем Андрей выбрал именно это место. Может быть, хотел смягчить разговор. А может, ему просто было удобно туда добираться из офиса.

Перед выходом позвонила подруга Света, с которой мы когда-то работали вместе. Она спросила, не передумали ли мы собираться в субботу: их семья давно приглашала нас на ужин, но Андрей уже дважды переносил встречу из-за рабо-

ты.

— Думаю, пока не получится, — сказала я.

— Ты какая-то не своя. Всё нормально?

Я хотела ответить, что да. У нас с ней был многолетний порядок: она жаловалась на школьные собрания сына, я — на клиентов и поломки бытовой техники, а разговоры о браке мы обычно обходили. Андрей нравился Свете. Она считала его обаятельным, иногда даже завидовала тому, как уверенно он выступает перед людьми. Мне не хотелось первой рассказывать историю, которую я сама ещё не могла произнести вслух.

— Есть разговор с Андреем, — сказала я. — Пока сама ничего не понимаю.

Света не стала выспрашивать подробности.

— Тогда напиши мне вечером. Даже если будет поздно. Или приезжай, если не захочешь возвращаться домой.

После звонка я постояла возле окна. Меня неожиданно тронуло, что взрослый человек предложил помощь, не объясняя, что именно мне следует делать. Я вспомнила, как за последний год несколько раз отказывалась от встреч со Светой, потому что Андрей хотел отдохнуть вдвоём. В итоге он сидел перед телевизором с телефоном, а я готовила еду на следующую неделю. Никто не запрещал мне уходить. Просто всякий раз находилась причина, по которой оставаться было удобнее.

В половине седьмого я стояла перед шкафом и выбирала

одежду. Сначала взяла чёрное платье, потом убрала. Надела брюки и светлую блузку, в которой обычно ходила на встречи с клиентами. Мне хотелось выглядеть человеком, который способен выслушать неприятные новости, не разваливаясь на части.

До ресторана я доехала раньше Андрея. Заказала воду и положила телефон экраном вниз. На соседнем столике пожилая пара обсуждала отпуск. Мужчина хотел ехать в горы, женщина — к морю. Они спорили лениво, со знанием всех привычек друг друга. В какой-то момент мужчина протянул руку и поправил жене воротник. Я отвернулась к окну.

Андрей появился с десятиминутным опозданием. Поцеловал меня в щёку, сел напротив и сразу достал телефон.

— Что за срочность? — спросил он. — У меня сегодня был тяжёлый день.

Я подождала, пока официант отойдёт.

— У тебя отношения с Кристиной?

Он не вздрогнул и не побледнел. Просто перестал листать экран. Поднял глаза, посмотрел на меня и положил телефон на стол.

— С чего ты взяла?

— Я видела её кружку в твоей машине. И сообщение вчера вечером.

— Ты читала мои сообщения?

Вот оно. Я даже не удивилась.

— Оно появилось на экране, пока телефон лежал на столе.

— Марин, у тебя какая-то нездоровая подозрительность.

— Возможно. Ты можешь ответить на вопрос?

Он взял меню, хотя я была уверена, что не собирается ничего выбирать. Полистал страницы, остановился на десертах.

— Мы с тобой давно не ладим, — сказал он наконец. — Думаю, ты сама это понимаешь.

Я смотрела на его руки. На левой оставалось обручальное кольцо. Я помнила, как мы выбирали эти кольца, когда денег почти не было, а всё впереди казалось бесконечным. Андрей тогда настоял на более дорогих, потому что «такую вещь один раз в жизни покупают».

— Значит, да, — сказала я.

Он закрыл меню.

— Да. Я не собираюсь врать. Это продолжается уже некоторое время.

— Сколько?

— Марина, разве это сейчас главное?

— Для меня главное. Сколько?

Он выдохнул.

— Четыре месяца. Может, немного больше.

Четыре месяца. Я невольно начала считать. В июне у Алисы был день рождения. В июле Андрей заболел, и я несколько ночей вставала проверять температуру. В августе мы вместе выбирали новый диван. В сентябре он предложил поехать зимой куда-нибудь вдвоём и даже показал фотографии отеля. Всё это время у него была женщина, которой он писал

после работы и чью кружку возил в машине.

— Ты собирался мне сказать? — спросила я.

— Собирался. Я просто не знал, как.

— Можно было начать четыре месяца назад.

Он поморщился.

— Ты опять всё сводишь к упрёкам. Я хотел поговорить спокойно.

Официант подошёл, и Андрей заказал стейк и бокал красного вина. Я попросила чай. Не помню, спрашивал ли официант, буду ли я что-нибудь есть. Андрей продолжил только тогда, когда тот отошёл.

— Понимаешь, мне давно не хватало... Не знаю. Тепла. Ощущения, что меня дома ждут не только с вопросами о счетах и продуктах. Мы ведь почти перестали разговаривать.

Я вспомнила, как на прошлой неделе пыталась рассказать ему о клиенте, который перепутал документы, а Андрей попросил не грузить его бухгалтерией. Вспомнила наши поездки, когда он не выпускал телефон из рук. Вспомнила, как он раздражался, если я предлагала сходить в кино, потому что выходные предназначены для отдыха.

— Я пыталась с тобой говорить, — сказала я.

— Ты предъявляла претензии.

— А когда предлагала поехать куда-нибудь вместе?

— Я работал. Кто-то должен был зарабатывать деньги.

Он сказал это с привычной уверенностью. Я впервые за вечер почувствовала злость достаточно сильную, чтобы пе-

рестать дрожать.

— Я тоже работала, Андрей.

— Ты подрабатывала. Давай не будем делать вид, что это одно и то же.

— Хорошо. Давай не будем. Ты зарабатывал больше. Я занималась Алисой, твоей матерью, квартирой, счетами, врачами и всем, что ты называешь бытовыми мелочами. И ещё вела своих клиентов. Но почему-то твоя работа была уважительной причиной не заниматься семьёй, а моя — не была работой вовсе.

Он откинулся на спинку стула.

— Мы что, теперь будем перечислять заслуги?

— Нет. Просто я впервые пытаюсь понять, когда наша семья перестала быть общей.

Андрей потер лицо ладонью. Когда он заговорил снова, голос стал мягче — тот самый голос, которым он обычно уговаривал меня согласиться на неудобное решение.

— Слушай, Марин. Я не хочу, чтобы мы превратили развод в войну. Мы оба взрослые люди. Наш брак давно себя исчерпал, просто никто не решался сказать вслух. Я хочу попробовать другую жизнь. Ты ведь тоже имеешь право быть счастливой.

Он смотрел на меня так, будто предложил разумный компромисс.

— Наш брак исчерпал себя? — переспросила я.

— Ну да. Ты сама это чувствуешь.

— Я чувствовала, что ты стал поздно приходить домой, а когда приходил — раздражался. Я думала, что у тебя проблемы на работе. Теперь выясняется, что это был наш общий развод, о котором ты забыл меня предупредить.

— Ты специально всё выворачиваешь.

— Андрей, ты изменял мне четыре месяца. Ты можешь хотя бы один раз сказать это, не объясняя, что виноваты мы оба?

Он отвернулся к окну. Я не знала, что в этот момент испытываю сильнее: обиду на него или стыд за себя. Почему-то мне было неловко сидеть в хорошем ресторане и говорить об измене, словно я нарушала правила приличного вечера.

Принесли стейк. Андрей взял нож и вилку, отрезал небольшой кусок, но есть не стал. Я ждала, что он скажет хоть что-нибудь ещё. Возможно, попросит прощения. Возможно, спросит, как я себя чувствую. Вместо этого он заговорил о квартире.

— Я предлагаю всё решить без скандалов. Квартира остаётся мне, ты можешь жить в доме тёти. С деньгами помогу первое время, если понадобится.

Я медленно поставила чашку.

— Дом тёти и так мой. Она оставила его мне.

— Я не спорю. Я просто хочу договориться цивилизованно.

— О квартире мы поговорим с документами.

— Марина, ну зачем адвокаты? Мы двадцать лет вместе.

— Да. Именно поэтому я не хочу сейчас принимать решение в ресторане, где пять минут назад узнала о твоей любовнице.

Он уставился на меня, будто услышал что-то совершенно неожиданное. Я поняла, что он готовился к слезам, к скандалу, может быть, к просьбам одуматься. К разговорам о документах — нет.

Я встала.

— Ты куда?

— Домой.

— Мы же не договорили.

— Я услышала достаточно на сегодня.

В прихожей ресторана мне пришлось остановиться и поискать в сумке перчатки. Руки всё-таки дрожали. Андрей догнал меня уже у выхода.

— Подожди. Есть ещё один момент, — сказал он.

Я посмотрела на него.

— Какой?

— Я поговорил с Алисой. Не хотел, чтобы она узнала случайно.

Перчатка выскользнула из моих пальцев на пол. Андрей поднял её и протянул мне.

— Когда? — спросила я.

— Позавчера.

Вчера я готовила праздничный ужин. Вчера Алиса спрашивала, будет ли папа дома. А позавчера он уже рассказывал

ей, что мы разводимся, хотя со мной ещё не говорил.

— Что ты ей сказал?

— Правду. Что между нами давно всё сложно. Что мы решили разойтись. Она взрослая, Марина, она всё понимает.

Я взяла перчатку, но надеть не смогла.

— Мы ничего не решали. Это ты решил.

— Не надо сейчас цепляться к словам.

На улице было сыро. Машины медленно ехали по мокрому асфальту, из дверей ресторана выходили люди с пакетами еды. Жизнь вокруг продолжалась так спокойно, будто ничего особенного не случилось.

Андрей ещё что-то говорил. Кажется, просил не волновать Алису и не делать из всего драму. Я уже почти не слушала. Меня занимала одна мысль: он успел поговорить с нашей дочерью раньше, чем нашёл время поговорить со мной.

— Марин, ты меня слышишь?

— Да, — сказала я.

Я села в такси и назвала адрес. Пока машина трогалась, Андрей стоял возле ресторана с телефоном в руке. Наверное, уже думал, кому позвонить и как объяснить, почему я опять всё усложнила.

Я открыла переписку с Алисой. Последнее сообщение было о её университетском проекте, на который отец обещал посмотреть. Я начала писать «Нам надо поговорить», но остановилась. Сначала следовало понять, что именно дочь услышала от него. И почему он так уверенно сказал, что она

всё понимает.

Глава 3. Папа сказал

В воскресенье Алиса вернулась из квартиры подруги незадолго до полудня. Я услышала, как она поворачивает ключ в замке, и в первый момент обрадовалась: всё утро я боялась, что она вообще не придёт. Андрей с пятницы ночевал не дома. О его планах я знала только то, что он написал: «Не хочу сейчас лишних разговоров». Два дня, в течение которых ему не хотелось разговаривать, оказались очень длинными.

Алиса прошла в кухню, бросила сумку возле стула и открыла холодильник.

— Есть что-нибудь?

— Суп. Могу разогреть.

— Давай суп.

Она села за стол и принялась отвечать кому-то в телефоне. Волосы были собраны в высокий хвост, под глазами залегли тени. Наверное, легла поздно. Я поставила тарелку в микроволновку, взяла ложку, потом вспомнила, что дочь любит есть суп с хлебом, и достала батон. Обычные движения помогали не начинать разговор, к которому я не знала как подступиться.

— Алис, — сказала я, когда микроволновка остановилась. — Нам с тобой нужно поговорить.

Она не подняла головы.

— Папа говорил.

Я достала тарелку слишком быстро и обожгла пальцы.

— Что он говорил?

— Что ты захочешь со мной поговорить. Мам, я уже всё знаю. Можно не надо?

Она отложила телефон и наконец посмотрела на меня. В её взгляде не было ненависти, которой я боялась, но была усталость человека, которому надоели взрослые объяснения.

— Что ты знаешь? — спросила я.

— Вы разводитесь. Вы давно друг друга не любите. Папа пытался наладить отношения, но ты решила, что всё. И у него теперь кто-то есть. Он не скрывал.

Я села напротив. От супа поднимался пар. На окне стояла маленькая фиалка, которую Алиса подарила мне на Восьмое марта; у неё пожелтели нижние листья. Несколько секунд я занималась этим совершенно неуместным наблюдением, потому что не могла сразу подобрать ответ.

— Мы с отцом не решали разводиться, — сказала я. — Я узнала о его отношениях с другой женщиной в четверг.

— Мам, ну зачем ты так?

— Как?

— Будто всё случилось только что. Папа сказал, что вы уже давно собирались.

— Папа сказал неправду.

Она отодвинула тарелку.

— Конечно. Ты говоришь одно, он другое. Я должна выбирать, кто из вас врёт?

— Нет. Ты ничего не должна выбирать. Но я не могу подтвердить то, чего не было.

— Ты сама всё время была им недовольна, — сказала Алиса. — Он приходит домой, а ты сразу спрашиваешь, почему опоздал. На его повышение даже нормально не порадовалась.

Мне захотелось напомнить про торт, про стол, за которым мы прождали до восьми вечера, про мясо, которое к его приезду пришлось разогревать. Но я вдруг услышала, как жалко будет звучать перечень этих мелочей. Дочь уже считала их не заботой, а обязанностью, которую я должна выполнять без свидетелей.

— Я приготовила ужин, когда его повысили, — сказала я. — Мы ждали его. Он приехал поздно и сообщил, что поел с коллегами.

— У него важный день был!

— Я знаю.

— Тогда почему ты обижаешься?

Я посмотрела на дочь внимательнее. Она искренне не понимала. Для неё отец работал, уставал, зарабатывал деньги. Мама дома обеспечивала всё остальное. Если он опоздал, значит, причина серьёзная. Если я расстроилась, значит, сама испортила вечер.

— Потому что мне тоже хотелось с ним поужинать, — ответила я. — И потому что он обещал вернуться.

Алиса помолчала, но уступать не собиралась.

— Он говорит, что ты вообще перестала с ним разговаривать нормально. Только про счета и домашние дела.

— А о чём он разговаривал со мной?

— Не знаю. Я не присутствовала.

— Вот именно.

Мы обе замолчали. Мне стало стыдно за последнюю реплику: я словно пыталась выиграть спор, в который дочь не должна была попадать.

— Извини, — сказала я. — Я не хочу заставлять тебя судить нас. Это наша с папой история. У тебя по-прежнему есть оба родителя.

— А почему тогда ты рассказываешь мне про его измену?

— Потому что он уже рассказал тебе, что мы заранее договорились разойтись. А этого не было. Я не хочу лгать ради того, чтобы все выглядели хорошими.

Алиса взяла ложку и несколько раз провела ею по дну тарелки. Суп ещё был горячим. Она ничего не ела.

— Он сказал, что познакомился с Кристиной, когда вы уже решили разводиться.

— Он сказал мне, что встречается с ней около четырёх месяцев.

— Ты уверена?

— Я задала вопрос дважды.

— Может, он имел в виду что-то другое.

В этом «может» было столько отчаянного желания сохранить привычного отца, что я не смогла ответить резко. Я

тоже ещё совсем недавно придумывала объяснения чужой кружке в машине.

— Возможно, он расскажет тебе сам, — сказала я. — Я не собираюсь обсуждать подробности его отношений.

Дочь вдруг встала.

— Я у папы останусь. Мне оттуда ближе в университет. И я не хочу каждый день слушать, какой он плохой.

Я хотела напомнить, что за всё утро ни разу не назвала его плохим. Вместо этого спросила, какие вещи ей собрать. Алиса отвернулась к окну, а потом посмотрела на меня с таким удивлением, будто ожидала совсем другой реакции.

— Ты не против?

— Я против того, что между нами происходит, — сказала я. — Но ты можешь жить там, где тебе удобнее.

Она ушла в комнату. Через стену послышался звук открываемых ящиков, шорох одежды, застёжка чемодана. Я осталась на кухне, убрала нетронутый суп в холодильник и подумала, что даже не знаю, чего теперь ждать от ближайшей недели.

Пока дочь собирала вещи, я зашла в её комнату с чистыми наволочками, которые сняла с сушилки. Она сидела на полу перед открытым чемоданом и пыталась выбрать, какие учебники взять. На кровати лежали старые билеты в кино, небольшая коробка с серьгами и фотография, где мы вдвоём стояли на школьной ярмарке. Я вспомнила, как тогда всю ночь пекла кексы для её класса, а утром Андрей привёз нас к

школе и остался снаружи ждать в машине. Алиса потом рассказывала всем, какой замечательный папа — он ведь специально отвёз нас в выходной.

— Хочешь, помогу сложить? — спросила я.

— Не надо, мам. Я сама.

Я положила наволочки на край стола и собралась уходить. Алиса вдруг сказала:

— Ты ведь не заставишь меня перестать с ним общаться?

Меня поразило, что она этого боится. Я никогда не запрещала ей видеться с отцом и не собиралась теперь. Но Андрей, видимо, представил развод как борьбу, в которой каждый обязан занять чью-то сторону.

— Нет, — сказала я. — Он твой отец. Любить его можно независимо от того, что между нами происходит.

— Тогда почему ты так злишься?

Я присела на край кровати.

— Потому что он обманул меня. И потому что, прежде чем поговорить со мной, рассказал тебе другую историю. Мне трудно с этим справиться. Но ты здесь ни при чём.

Алиса смотрела на молнию чемодана. Я видела, что она не верит мне полностью, и понимала почему: отец успел подготовить для неё объяснение, а я пришла с болью и растерянностью. В конце концов она сказала, что всё равно поедет к нему. Я кивнула и вышла, оставив дверь приоткрытой.

Перед уходом Алиса задержалась возле двери.

— Мам, я же не против тебя. Просто папа... он всегда о

нас заботился. Ты не делай из него чудовище.

На секунду мне захотелось сказать что-нибудь жестокое. Что чудовищем человека делает не чужой рассказ, а его собственные поступки. Что отец заботился прежде всего о себе. Что дочь ещё поймёт.

Но она была девятнадцатилетней девушкой, которая пришла в родную квартиру за зимними вещами и неожиданно оказалась между людьми, которых любила всю жизнь.

— Я помню хорошее, что папа делал для нас, — сказала я. — Просто хорошее не отменяет того, что он сделал сейчас.

Алиса кивнула, не соглашаясь, и ушла.

Через полчаса Андрей прислал сообщение: «Алиса расстроена. Не надо было на неё давить». Я стояла у раковины, когда оно пришло. Поставила тарелку на сушилку, прочитала и набрала: «Зачем ты сказал ей, что мы вместе решили разводиться?»

Он долго печатал ответ. Потом пришло: «Марина, будь взрослой. Не втягивай ребёнка».

Я посмотрела на пустой коридор. Ещё утром там стояли Алисина обувь и её большая спортивная сумка. Теперь возле двери оставалась только моя старая пара ботинок.

Телефон я положила экраном вниз. Отвечать было нечего.

Глава 4. Бумаги и люди

Юристка Елена Викторовна принимала в небольшом кабинете над аптекой. Я поднялась на второй этаж без лифта, остановилась перед дверью и несколько секунд рассматривала табличку «Семейные и имущественные споры». За всю жизнь мне ни разу не приходилось обращаться к человеку по такому поводу. Я знала, как записать клиенту расходы на оборудование и куда подать уточнённую декларацию, но совершенно не представляла, с чего начинают люди, которые собираются делить двадцать лет совместной жизни.

Я принесла папку с документами. В ней были выписки по квартире, сведения об остатке ипотеки, список общих накоплений и свидетельство о наследстве на дом тёти Вали. Вечером перед встречей я разложила всё по прозрачным файлам, подписала даты и даже сделала оглавление. Андрей, узнай он об этом, непременно сказал бы, что я превращаю обычный разговор в бухгалтерскую проверку.

Елена Викторовна оказалась женщиной лет пятидесяти, с короткой стрижкой и спокойным голосом. Она не стала спрашивать, почему мы разводимся. Сначала уточнила, что именно оформлено на кого, какие обязательства у нас остались и чего я хочу добиться.

— Вы получили дом по наследству? — спросила она, перелистывая бумаги.

— Три года назад. От тёти. Он зарегистрирован на меня.

— За время брака там проводились крупные работы за общие деньги?

— Несколько раз ремонтировали крышу и меняли часть окон. Но серьёзных вложений, насколько помню, не было.

— Это надо будет подтверждать документами, если вопрос возникнет. Само наследство не превращается автоматически в совместно купленную недвижимость. А вот с квартирой история другая.

Мы обсуждали квартиру почти час. Покупали её после свадьбы, выплачивали кредит вместе, но Андрей уже успел сообщить, что оставит её себе. Когда я сказала, какую компенсацию он предлагает, Елена Викторовна подняла брови и попросила отчёт независимого оценщика.

— Пока у вас нет оценки и точных данных о долгах, говорить о сумме рано.

— Он считает, что квартира практически его. Потому что больше зарабатывал.

— На такое мнение можно иметь право, — сухо ответила юристка. — Но документы и закон от этого не меняются.

Мне стало неожиданно легче. Елена Викторовна не обещала, что всё будет просто. Наоборот, она подробно перечислила, что может занять месяцы, где понадобятся дополнительные бумаги и почему не стоит соглашаться на устные обещания. Но она говорила так, словно от меня требуется не героизм, а обычная последовательная работа.

Я записала задания: запросить банковскую справку, собрать платежи за последние годы, заказать независимую оценку квартиры, уточнить расходы на ремонт дома. В конце консультации оказалось, что у меня есть список дел, и ни один пункт не начинался со слов «попросить Андрея разрешить».

На улице шёл мелкий дождь. Я купила в пекарне пирожок с капустой и села на лавку под навесом, чтобы перечитать записи. Пирожок был горячим, начинка обжигала язык. Я ела медленно, глядя, как машины объезжают лужу возле остановки.

Андрей позвонил, когда я уже собиралась уходить.

— Ну что, сходила к адвокату?

— К юристу. Сходила.

— И сколько стоит такая радость?

— Это мой расход.

— Марин, что за тон? Я просто спрашиваю.

Он всегда так говорил после вопроса, на который я не хотела отвечать.

— Я не обсуждаю стоимость своих консультаций, — сказала я. — Нам нужно получить оценку квартиры. И справку об остатке кредита.

— Какая оценка? Мы же договорились, что квартира остаётся мне.

— Ты сказал, что хочешь оставить её себе. Я не согласилась с твоими условиями.

— Господи. Теперь мне придётся объяснять тебе каждую копейку.

Я остановилась у витрины книжного магазина и посмотрела на своё отражение. В руках папка, мокрый зонт, наполовину съеденный пирожок в бумажном пакете. Ничего особенно грозного.

— Не каждую, Андрей. Только те, которые относятся к нашей общей собственности.

Он помолчал.

— Ты понимаешь, что без моей зарплаты не протянешь? Дом старый, там один ремонт чего стоит. А у тебя подработка, на которую даже нормальную машину не купишь.

Я хотела ответить привычно: что справлюсь, что он преувеличивает, что не надо так говорить. Но вдруг поняла, что оправдываюсь ещё до того, как он чего-нибудь потребовал.

— Справлюсь или нет, будет видно, — сказала я. — Сейчас пришли документы. Остальное обсудим письменно.

Он рассмеялся без веселья.

— Ты меня как мошенника выставляешь.

— Я прошу справку из банка.

— С тобой невозможно разговаривать.

Он положил трубку.

После консультации я заехала в банк, чтобы заказать справку о выплатах по ипотеке. Сотрудница долго уточняла, какие именно сведения мне нужны, а потом сообщила, что выписка будет готова в приложении. Я вышла из отделения с

маленьким листком, на котором был записан номер обращения. Вся наша семейная история постепенно превращалась в такие номера, даты и подписи.

На обратной дороге я позвонила тёте Лене, дальней родственнице, которая помогала оформлять наследство после смерти тёти Вали. Она помнила, в какой папке лежали документы на дом, и предупредила, что старые договоры с мастерами могли остаться в кладовой. Мы немного поговорили о тёте. При жизни та часто сердито заявляла, что никому не позволит делать из её дома дачу для шашлыков. Теперь мне приходилось думать, как превратить его в место, где можно жить зимой.

— Ты там не одна будешь? — спросила тётя Лена.

— Пока одна.

Она помолчала, потом назвала телефон соседки, которая присматривала за участком и могла помочь с местными мастерами.

— Дом старый, Марин. Не берись за всё сразу. И вещи Валентины не выбрасывай, пока не разберёшься. Там половина хлама, конечно, но кое-что полезное.

Я поблагодарила. После разговора впервые представила переезд не как бегство из квартиры, а как возвращение в место, у которого была своя история. Тётя Валя не знала, зачем мне понадобится дом. Но оставила его именно мне, не потребовав обещания сохранить всё прежним.

Дома я открыла ноутбук и начала считать. Доход от двух

клиентов, накопления, возможная аренда квартиры на время, расходы на коммунальные услуги и отопление в старом доме. Тётя Валя оставила мне не развалины, но и не готовое жильё. Котёл давно никто не проверял, окна на втором этаже продувало, а после дождя под потолком в коридоре появлялось пятно. Три года назад я несколько раз предлагала поехать туда на выходные и заняться ремонтом. Андрей всякий раз находил более интересные занятия.

Ближе к вечеру я достала большую тётину папку. Там лежали планы участка, квитанции, договор на обслуживание котла и старый номер местного сантехника, записанный карандашом. На одной странице тётя Валя крупно вывела: «На кухонном шкафу запасные ключи — под банкой с гвоздями». Я невольно улыбнулась. Она вообще любила оставлять инструкции людям, которые ещё не успели спросить.

Когда я проходила мимо комнаты Алисы, в кармане коротко звякнул телефон. Дверь была открыта, кровать заправлена. На стене висела фотография дочери с выпускного. Мне вдруг захотелось зайти и переложить вещи, как я делала раньше, но я остановилась в дверях. Это больше не была ежедневная домашняя забота. Теперь я не знала, когда она снова вернётся на ночь.

На телефоне высветилось сообщение от Алисы: «Папа говорит, ты решила судиться за квартиру. Зачем?»

Я села за стол и долго подбирала ответ. Потом написала: «Я хочу понять, сколько стоит моя доля в общей квартире,

и договориться о честном разделе. Это вопрос между мной и папой. Тебе не нужно в нём участвовать».

Она прочитала и ничего не ответила.

Перед сном я раскрыла новый блокнот и написала три дела на ближайшую неделю: проверить дом, заказать перевозку вещей, поговорить с клиентами о возможной удалённой работе. Потом добавила четвёртое: забрать зимние ботинки. У тёти Вали отопление могло не справиться, а погода уже обещала заморозки.

К этому списку я вернулась утром. Не потому, что стала вдруг уверенной и бесстрашной. Просто дела не исчезали, даже когда хотелось весь день лежать под одеялом. И, если честно, мне было легче начинать именно с них.

Глава 5. Три коробки

Андрей купил коробки в строительном магазине и оставил их посреди прихожей. Три штуки, одинаковые, с прочным дном и удобными прорезями вместо ручек. На одной он написал «Марина», на двух других — «Вещи». Я долго смотрела на эту разницу и думала, что за двадцать лет мы так и не договорились, какие вещи в доме мои.

Переезд назначила на субботу. За несколько дней до него мне пришлось составить список: что понадобится сразу, что можно забрать позже, а что лучше оставить. Я начала с кухни, потому что там всё казалось понятным. Две любимые кружки, старые ножи тёти Вали, кастрюля, которую покупала ещё студенткой. На второй полке стояли праздничные бокалы. Андрей выбрал их в поездке в Прагу, когда Алиса была маленькой, и потом почти не доставал. Я завернула один бокал в газету, подержала и поставила обратно.

С книгами было труднее. Большая часть стояла в гостиной на высоких стеллажах, которые мы собирали всей семьёй. Когда Алисе исполнилось четыре, она сидела в пустой коробке и командовала нами, размахивая игрушечной отвёрткой. Андрей тогда едва не прикрутил полку задом наперёд, и мы смеялись так громко, что сосед снизу пришёл спрашивать, всё ли в порядке.

Сейчас Андрей сидел за столом, разговаривал по телефо-

ну и периодически поглядывал на часы.

— Марин, ты собираешься всю библиотеку вывезти? — спросил он, когда я сняла с полки ещё одну стопку.

— Свои книги — да.

— А смысл? В доме у тёти, наверное, и полок нет.

— Есть.

— Ну смотри. Потом не жалуйся, что тяжело таскать.

Он сказал это не со злобой. Скорее с привычной уверенностью, что его замечание обязательно должно оказаться полезным.

К обеду я устала настолько, что села на пол возле коробок. На ковре остался светлый прямоугольник от небольшого комода, который я уже отправила грузчикам. Вокруг были пустые полки и аккуратные стопки одежды. Я думала, что после двадцати лет всё должно происходить торжественнее. Но развод состоял из скотча, пыли и вопроса, куда положить удлинитель.

— Я могу прислать водителя, — предложил Андрей, проходя мимо.

— Я уже заказала перевозку.

— Ты теперь всё сама, да?

— Пока получается.

Он остановился в дверях.

— Из принципа ведь делаешь. Я мог бы помочь.

Я хотела спросить, где эта готовность помочь была, когда я тащила продукты и заболевшую дочь на пятый этаж, пото-

му что лифт сломался. Но это случилось много лет назад и к сегодняшним коробкам отношения не имело.

— Спасибо. Если понадобится, скажу.

Андрей пожал плечами и ушёл. Через минуту я услышала, как он разговаривает с кем-то по телефону. Голос стал мягче и веселее.

К вечеру пятницы квартира изменилась сильнее, чем за все предыдущие дни. На книжных полках остались неровные промежутки, на стене светлели прямоугольники после снятых фотографий, в шкафу висели только Андреевы рубашки и пиджаки. Я принесла из спальни коробку с документами и обнаружила старый конверт с фотографиями свадьбы.

На одном снимке Андрей поднимал меня на руки возле загса. Гости смеялись, у него сползал галстук, я держалась за его плечи и боялась потерять туфлю. Я долго смотрела на наши лица. Не могла сказать, что тогда ошибалась. Мы действительно любили друг друга. По крайней мере, я любила, и у нас было много лет, которые я не хотела называть потерянными только потому, что их конец оказался плохим.

Потом нашла фотографию Алисы в роддоме. Андрей держал её очень осторожно, почти испуганно, и улыбался так, что глаза превращались в узкие щёлочки. Вспомнила, как он впервые остался с дочерью один на час и позвонил мне четыре раза, чтобы спросить, достаточно ли тепло она одета. Когда-то он учился быть отцом вместе со мной. Потом постепенно стал считать, что у него не хватает времени на ме-

лочи, а у меня должно хватать всегда.

Я положила оба снимка в папку. Не стала ни рвать, ни выбрасывать. Мне хотелось когда-нибудь показать их Алисе без необходимости объяснять, кто из нас был прав в конце.

В субботу Алиса приехала за зимними ботинками, когда первая машина грузчиков уже стояла во дворе. Она вошла, оглядела пустеющую прихожую и остановилась перед коробкой с надписью «Марина».

— Ты прямо сегодня уезжаешь?

— Да.

— А где будешь жить, пока дом не отремонтируешь?

— Там и буду. На первом этаже всё работает, нужно только проверить отопление.

— Папа сказал, что это ужасная идея.

— Возможно. Но это мой дом.

Она прошла в комнату, взяла ботинки и вернулась. Я видела, как ей хочется что-то спросить, но разговор не начинался.

— Ты забираешь зеркало? — спросила она наконец.

— Нет, оставляю.

— Просто папа говорил, ты всё хочешь вывезти.

Я поставила коробку на пол.

— Алиса, я забрала свои книги, одежду, посуду и несколько вещей, которые мне нужны для работы. Большая мебель остаётся. Если хочешь, можешь посмотреть.

— Я не проверять приехала.

— Хорошо.

Мы стояли в коридоре и старались не обидеть друг друга окончательно. Потом она неожиданно спросила, есть ли у меня тёплые одеяла. Я сказала, что возьму два. Она кивнула, как будто решила важную задачу.

— Если совсем холодно будет, можешь у меня пару дней пожить. У нас диван свободный.

— Спасибо, солнышко.

Она отвела взгляд. Мне показалось, что она хотела обнять меня, но не решилась. Я тоже не решилась первой: боялась, что дочь воспримет это как попытку удержать её.

Вечером грузчики вынесли последнюю коробку. Андрей стоял у двери, наблюдая, как я проверяю комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.